

Бесков

БЕСКОВ Андрей Анатольевич

**АНАЛИЗ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА**

Специальность 09.00.13 – религиоведение, философская антропология,
философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Нижний Новгород
2008

Диссертация выполнена на кафедре философии ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет»

Научный руководитель — доктор философских наук,
профессор **А.А. Фёдоров**

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор **Е.В. Мочалов**

кандидат философских наук,
доцент **И.А. Треушников**

Ведущая организация —
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный лингвистический университет»

Защита состоится **30 октября 2008** года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета по философским наукам Д 212.164.03 в **Нижегородском государственном педагогическом университете** по адресу: 603950, г.Н.Новгород, ГСП-37, ул.Ульянова, 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Нижегородского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан *10* сентября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000438543

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук,
доцент

И.А. Федотова

И.А. Федотова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Тема восточнославянского язычества в последние годы стала очень популярной. Научный интерес к этой тематике, зародившийся в нашей стране ещё в XVII в. (если вести отсчёт от «Синописиса» Иннокентия Гизеля), с тех пор никогда полностью не угасал. Общекультурный интерес к этой сфере тоже всегда был высок, ибо, не имея представления о восточнославянском язычестве, трудно понять древнерусские памятники литературы и искусства, русское народное творчество в различных его проявлениях (вышивка, резьба по дереву, игры, песни и пр.).

Но в последние годы среди причин, обусловивших повышенный интерес к восточнославянскому язычеству, появилась новая, тесно связанная с идеологическими мотивами. В славянской мифологии некоторые авторы ищут идеологическое обоснование набирающему все большую силу русскому национализму. Издания, написанные с этих позиций, пестрят тезисами об особой роли русского народа. История славян искусственно углубляется на целые тысячелетия, они объявляются создателями чуть ли не всего богатства мировой культуры. Можно наблюдать, как на русскую почву переносится искусственно сконструированная мифология немецкого нацизма, апеллировавшая к древним ариям, причём теперь «истинными арийцами» объявляются уже не немцы, а славяне.

Набирает силу и неоязычество, не связанное с политикой, но отвечающее определённым духовным чаяниям части современной российской интеллигенции. Оно явилось закономерным итогом поиска «русской идеи», новой культурной идентичности, которым наше общество озабочено на протяжении всего постсоветского периода. Обращение в этих поисках к древнейшей истории славян не случайно и причины этого уже

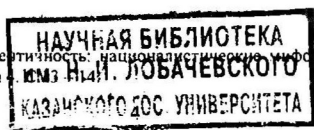
рассматривались в науке¹. Тревожит то, что эти квазиисторические штудии перерастают рамки чьих-то личностных взглядов на прошлое и становятся фактами общественного исторического сознания.

Элементы язычества становятся достоянием современной отечественной массовой культуры и молодёжной субкультуры, проникая на страницы художественных книг и интернет-сайтов, в фильмы и мультфильмы, тексты песен некоторых рок-групп (появилось даже отдельное музыкальное направление – *rajan-metal*, в котором тексты песен напрямую посвящены восхвалению и популяризации неоязыческой идеологии). Имена древнерусских языческих божеств носят некоторые российские (и украинские) коммерческие компании.

Определённый интерес проблематика этой работы может иметь и для современного православия, озабоченного в последнее время всплеском неоязычества, выражающегося в отказе от традиционных христианских ценностей и норм поведения и стремящегося заменить их иными мировоззренческими позициями.

Есть ещё один аспект актуальности темы исследования. История изучения восточнославянского язычества насчитывает уже не менее трёх столетий. Менялись и усложнялись методы изучения мифологических представлений древних славян. Под подобные исследования подводилась всё более солидная методологическая база, на смену трудам учёных XVIII – XIX вв. приходили более сложные и формализованные монографии специалистов ещё более широкого круга наук, рассматривавших славянское язычество со своих узкопрофессиональных позиций. Сложилась парадоксальная ситуация – изучением язычества занимались и занимаются историки, археологи, лингвисты, фольклористы, этнографы – но не религиоведы. Приобретённые таким образом знания о славянской мифологии получаются расчленёнными, обрывочными, во многом противоречивыми. Назрела настоятельная

¹ Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистическая мифология в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 10-11.

потребность сведения всех накопленных в рамках различных научных дисциплин материалов воедино. Но помимо механического объединения накопленных знаний в единое целое, религиоведение должно рассматривать их в своём специфическом ракурсе, преследуя те цели и задачи, которые стоят перед ним как перед отдельной специфической научной дисциплиной. Учитывая молодость этой дисциплины в рамках российской науки, необходимо уточнить эти цели и задачи, методы исследования, а также саму сущность того явления, которое называется восточнославянским язычеством. Эти вопросы и затрагиваются в данном исследовании.

Степень разработанности темы. Анализ историографии по теме исследования предполагает два аспекта, составляющих единство предмета данного диссертационного исследования – изучение теории мифа и изучение работ, посвящённых конкретно анализу восточнославянской мифологии.

Анализ всего многообразия идей и гипотез, посвящённых мифу и мифотворчеству, просто невозможен в рамках одной из глав кандидатской диссертации. Как отмечал Н.Л. Сухачёв, в XX в. миф «получил столько же определений, сколько насчитывается авторов, размышляющих над мифом, живописующих самые неожиданные его отражения в социуме»². Пусть эти слова выглядят некоторым преувеличением, всё же они недалеки от истины – действительно существует огромное количество трактовок мифа. С целью определения специфики употребления данного понятия в современном (преимущественно отечественном) научном дискурсе, в этой работе предпринято изучение основополагающих трудов отечественных и зарубежных исследователей (философов, филологов, историков, фольклористов, религиоведов), посвящённых данной проблематике. В числе этих авторов – такие имена как: Я.Э. Голосовкер, И.М. Дьяконов, Ф.Х.

² Сухачев Н.Л. Феномен духа и космос Мирчи Элиаде // Элиаде Мирча. Азиатская алхимия. Сборник эссе. Пер. с рум., фр., англ. – М.: Янус-К, 1998. Стр. 7.

Кессиди, К. Леви-Строс, А.Ф. Лосев, В.Я. Пропп, М.И. Стеблин-Каменский, С.А. Токарев, О.М. Фрейденберг, М. Элиаде³ и др.

Рассмотрению вопросов, связанных с восточнославянской мифологией, посвящено ещё большее количество научных публикаций. Из целей и задач данного исследования вытекала необходимость проанализировать в первую очередь те работы, в которых раскрывается сущность двух божеств древнерусского пантеона, традиционно считающихся солярными – Хорса и Дажьбога (в первую очередь Хорса – как божества, чьи функциональные мифологические характеристики и этническая принадлежность наиболее спорны).

Что касается вопроса о сущности бога Хорса, то хороший обзор историографии проблемы был сделан в относительно недавней монографии М.А. Васильева⁴. В нашем диссертационном исследовании дополнительно выявлена и проанализирована история становления и закрепления научной традиции, связывающей это божество с солярным культом на основе его этимологии, предположительно возводимой к иранским корням. Эта версия, высказанная впервые П.Г. Бутковым⁵ в 1821 г., была вскоре повторена такими видными славистами как П.И. Прейс, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский⁶. Затем она становится общим местом большинства публикаций, посвящённых древнерусскому пантеону, в XIX в. её повторяют ещё Н.И.

³ Голосовкер Я.Э. Логика античного мифа // Голосовкер Я.Э. Логика мифа – М., 1987. С. 8 – 76; Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. – М., 2004; Кессиди Ф. От мифа к логосу: Становление греческой философии. 2-е изд., испр., доп. – СПб., 2003; Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 2001; Он же. Как умирают мифы // Зарубежные исследования по семиотике фольклора: Сборник статей. – М., 1985. С. 77 – 88; Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. С. 22 – 187; Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 2005; Стеблин-Каменский М. И. Миф. – Л., 1976; Токарев С. А. Что такое мифология? // Вопросы истории религии и атеизма: сборник статей. – Вып. X. – М., 1962. С. 338 – 375; Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1998; Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994.

⁴ Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999. С. 17 – 27 и далее.

⁵ Бутков П. Нечто к Слово о полку Игореве // Вестник Европы. 1821. Ч. СХХI. № 21. С. 44, 58 – 59.

⁶ Донесение П. Прейса, Г. Министру Народного Просвещения, из Праги, от 26 Декабря 1840 года // Журнал Министерства народного Просвещения. 1841. Ч. XXIX. С. 35 – 36; Срезневский И. Об обожании солнца у древних славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Июль. Ч. LI. Отд. III. С. 50; Бодянский О. Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и тождестве славянских божеств Хорса и Дажьбога // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1846. № 1. Отд. I. Исследования. С. 11.

Костомаров, А.Н. Афанасьев, И.Е. Забелин⁷ и некоторые другие, далее она плавно переходит в следующее столетие – мы находим её в работах Ф.Е. Корша, Е.Г. Кагарова⁸. Но если в дореволюционный период эта версия хотя и превалировала, но не являлась единственно возможной (другие мнения высказывали А.С. Фаминцын, М.С. Грушевский, Е.В. Аничков, Н.М. Гальковский⁹), то в советское время данная точка зрения стала господствовать практически безраздельно – А.А. Зализняк, Р.О. Якобсон, Н. А. Баскаков, Б.А. Рыбаков, В.В. Иванов и В.Н. Топоров¹⁰, и многие другие. В настоящее время её отстаивает М.А. Васильев. За рубежом распространение данной версии связано с именами Л. Нидерле, Г.В. Вернадского, Р. Якобсона, Г. Ловмянского¹¹.

На данный момент в российской (впрочем, как и мировой) науке превалирует взгляд на Хорса и Дажьбога как на солярных божеств. Возникающая проблема целесообразности присутствия в одном, небольшом по составу, древнерусском пантеоне сразу двух солярных божеств решается в рамках четырёх логических схем:

- тождество Хорса и Дажьбога, синонимичность этих теонимов (О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, А.С. Фаминцын, А.Н. Соболев, Р.О. Якобсон, Г. Ловмянский, М.А. Васильев);

⁷ Костомаров Н. Славянская мифология (Извлечение из лекций, читанных в университете Св. Владимира во второй половине 1846 года). Киев, 1847. С. 111; А.Н. Афанасьев. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 3. – М., 2002. С. 510; Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времён. Ч. II. М., 1879. С. 291.

⁸ Корш Ф.Е. Владимировы боги // (Пошана) Сборник Харьковского Историко-филологического Общества. Т. XVIII. Харьков, 1909. С. 53; Кагаров Е.Г. Религия древних славян // Культурно-бытовые очерки по мировой истории. Серия А. Русская история. № 4. М., 1918. С. 29 – 30.

⁹ Фаминцын А.С. Божества древних славян. – СПб., 1884. С. 199 – 202; Грушевский М. Киевская Русь. Т. I. – СПб., 1911. С. 394; Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – М., 2003. С. 341; Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I. – Харьков, 1916. С. 23 – 25.

¹⁰ Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. 1962. Вып. 6. С. 43; Якобсон Р. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3 – 10 августа 1964 г.). Т. V. М., 1970. С. 617; Баскаков Н.А. Мифологические и эпические имена собственные в «Слове о полку Игореве» (К этимологии «Велес» и «Боян») // Восточная филология (сборник). III. – Тбилиси, 1973. С. 184; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 2001. С. 419; Он же. Язычество древних славян. М., 2002. С. 417; Иванов В.В., Топоров В.Н. Хорс // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 388; Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 512 – 513; Он же. Предистория литературы у славян: Опыт реконструкции (Введение к курсу истории славянских литератур). – М., 1998. С. 107.

¹¹ Нидерле Л. Славянские древности. – М., 2001. С. 312; Вернадский Г.В. Киевская Русь. – Тверь, Москва, 2004. С. 60 и сл.; Ловмянский Г. Религия славян и её упадок. – СПб., 2003. С. 97.

- признание разноплеменного характера божеств пантеона Владимира (В.Н. Топоров);

- признание ограниченности наличия в пантеоне двух солярных божеств с объяснением причин этой особенности древнерусского пантеона (Ф.Е. Корш, Б.А. Рыбаков, А.Н. Робинсон¹², А.Л.Никитин и Г.Ю. Филипповский¹³);

- элиминация самой проблемы путём отказа от соотнесения Дажьбога или Хорса с солнцем (М.А. Максимович, А. Брюкнер, В. Пизани, Я.Е. Боровский, В.В. Мартынов¹⁴).

Отмеченные четыре варианта решения проблемы не всегда могут быть выделены в чистом виде, порой они могут сочетаться друг с другом. Но уже само их обилие говорит о том, что эта проблема до сих пор не может быть решена однозначно. Все перечисленные варианты имеют определённые слабые стороны, что побуждает исследователей вновь возвращаться к этой теме.

Объектом данного диссертационного исследования является восточнославянское язычество, понимаемое здесь как сложное и своеобразное религиозно-мифологическое явление. **Предметом** исследования выступает мифологическая составляющая этого явления.

Целью исследования является изучение мифологического компонента восточнославянского язычества на современном этапе развития религиоведения. Для достижения намеченной цели, в ходе исследования решались следующие **конкретные задачи**:

- анализ наиболее фундаментальных теорий мифа;
- рассмотрение восточнославянского язычества в качестве объекта собственно религиоведческого анализа с тем, чтобы, выработав новые

¹² Робинсон А.Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI – XVII вв. – М., 1978. С. 32.

¹³ Никитин А.Л., Филипповский Г.Ю. Хтонические мотивы в легенде о Всеславе Полоцком // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI – XVII вв. – М., 1978. С. 141

¹⁴ Максимович М.А. К объяснению и истории Слова о полку Игореве // Максимович М.А. Собрание сочинений. Т. III. VI отдел. История словесности. – Киев, 1880. С. 654. Прим. 59; Brückner A. Mitologia słowiańska. – Kraków, 1917. S. 89 – 96; Pisani V. Slavische miszellen // For Roman Jakobson: Essays on the occasion of his sixtieth birthday. 10 October 1956. – The Hague, 1956. P. 393; Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. – Киев, 1982. С. 18; Мартынов В.В. Сакральный мир «Слова о полку Игореве» // Славянский и балканский фольклор: Источники и методы. – М., 1989. С. 71.

методологические основы его изучения, преодолеть определённые застойные тенденции в этой сфере, а также в целях более тесной интеграции результатов, полученных учёными других специальностей (историков, археологов, лингвистов, этнографов и т. д.);

- анализ методологических основ реконструирования древних, не дошедших до нас мифов;

- применение полученных теоретических результатов к конкретному славянскому материалу (на примере древнерусских солярных божеств), с сопутствующей ревизией оценок и мнений на этот счёт, накопившихся к настоящему времени и авторской реконструкцией соответствующего пласта мифологических представлений восточных славян.

Теоретические и методологические основы исследования. В соответствии со спецификой данного диссертационного исследования, выполненного на стыке нескольких научных дисциплин – религиоведения, философии, истории, этнографии – в качестве теоретико-методологической базы исследования используются концепции учёных различных специальностей. При этом большое влияние на автора данной работы оказали труды отечественных исследователей, объединённых между собой в той или иной степени интересом к семиотической проблематике. Среди них можно выделить такие имена как: В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, Б.А. Успенский. Учитывая важность для данной работы некоторых исторических аспектов затронутой проблематики, для её автора значимым принципом является реализация *культурно-семиотического подхода к истории*. Этот подход «предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым признаётся то, что является значимым с их точки зрения»¹⁵. Поскольку «историческое прошлое не дано нам в конкретном опыте и поэтому нуждается в дешифровке и реконструкции»¹⁶, результатом подобного подхода должна явиться «реконструкция системы

¹⁵ Успенский Б.А. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – СПб.: Азбука, 2002. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 22

представлений, обуславливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на эти события»¹⁷. Иначе подобное направление может обозначаться как «антропологически ориентированная история». В рамках его речь идёт «не столько об изучении событий как таковых (с внешней точки зрения), сколько об осознании механизмов редукции экономических, социальных, политических факторов (которые, несомненно, *в конечном счёте* (выделено автором. – А.Б.) весьма существенны) в реальные поступки отдельных людей и целых социальных групп»¹⁸.

Поскольку изучение исторических аспектов того или иного явления немисливо без обращения к конкретным историческим источникам, требуется определиться и с методологическими посылками в сфере их истолкования. В этом плане эвристически ценными и теоретически обоснованными представляются соображения отечественного историка А.Л. Юрганова о *беспредпосылочной герменевтике* (понимаемой в качестве метода исторической феноменологии) как способе лучшего понимания исторического источника. Смысл этой позиции заключается в том, что к прочтению исторического источника (как этапу проведения исторической реконструкции) требуется подходить *ещё ничего не зная о тех выводах, которые будут сделаны после этого прочтения*, то есть отказавшись от априорного знания об объекте реконструкции¹⁹. Как показывает практика, зачастую исследователи «вчитывают» в исторический источник то, что им хотелось бы там видеть.

Плодотворной видится мысль учёных-семиотиков о так называемом «языке культуры». При этом исторический процесс «предстаёт как процесс порождения новых фраз на некотором “языке” и прочтения их общественным адресатом (социумом)»²⁰. «Одни и те же объективные факты, составляющие реальный событийный текст, могут по-разному интерпретироваться на

¹⁷ Успенский Б.А. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема. С. 11.

¹⁸ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. С. 6.

¹⁹ Юрганов А.Л. Убить беса. Путь от Средневековья к Новому времени. – М., 2006. С. 355 – 359.

²⁰ Успенский Б.А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. С. 77.

разных языках – на языке соответствующего социума и на каком-либо другом языке, относящемся к иному пространству или времени...»²¹. Подобное соображение показывает всю сложность современных попыток истолкования древних мифов, которые также могут быть поняты как своеобразный язык, причём крайне архаичный, и потому плохо понятный современному человеку. Прочтение подобного культурного текста возможно благодаря методу «обратного перевода», разрабатывавшемуся филологом-германистом А.В. Михайловым. Его позиция определяется тем мнением, что «вся история заключается в том, что разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально чуждые им культурные языки, часто с предельным переосмыслением содержания. <...> Надо учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места»²².

Но прежде чем пытаться «переводить» язык мифа на современный нам научный язык, требуется определиться со спецификой понимания этого явления в данной работе. Самое непосредственное влияние на понимание мифа автором этого исследования оказала мифологическая концепция И.М. Дьяконова, в рамках которой миф представляется способом выражения мироощущения и миропонимания человеком, ещё не выработавшим аппарат абстрактных обобщающих понятий и использующим для этой цели тропы (преимущественно метафору и метонимию)²³.

Однако при «переведе» (в другой терминологии – дешифровке) того образного, метафорического языка, которым говорит с нами миф, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой научной верифицируемости полученного результата. Как отмечал ещё М.М. Бахтин, раскрыть и прокомментировать смысл образа или символа можно только с помощью другого (изоморфного) смысла символа или образа. «Истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность

²¹ Там же. С. 78.

²² Михайлов, А. В. Надо учиться обратному переводу // Обратный перевод / А.В. Михайлов. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 16.

²³ Дьяков И. М. Архаические мифы Востока и Запада. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 28.

научности точных наук»²⁴. В соответствии с этим постулатом требуется определиться с критериями научности, которыми будет руководствоваться автор этого исследования в своей работе, а вместе с тем и с методами, используемыми в работе.

В общем приближении, исследователей славянского язычества можно разделить на две группы, условно обозначив их как «оптимистов» и «пессимистов». Водораздел между этими двумя группами (а вместе с тем и между двумя типами исследовательских программ в области изучения восточнославянского язычества) проходит на уровне вопроса о возможности научного изучения мифологической составляющей этого явления. «Оптимисты» (и в этом лагере, пожалуй, самой заметной фигурой является А.Н. Афанасьев) считают, что это вполне возможно. «Пессимисты» (кредо которых достаточно чётко выразил ещё Е.В. Аничков), считают, что поскольку древние мифы восточных славян до нас не дошли, то реконструировать их – задача для науки не выполнимая, ибо тут неминуемо должно вступить в свои права уже «художественное проникновение». А там, где вступает в силу художественное проникновение, наука заканчивается. С большим пиететом относясь к этому научному ригоризму, автор данного исследования всё же относит себя к «оптимистам», считая, что возможности реконструкции не дошедших до нас мифов существуют, а «художественное проникновение» не стоит так жёстко противопоставлять «научному знанию», поскольку гуманитарное научное знание порой в некоторой степени инкорпорирует в себя элементы художественного прозрения. В этом отношении автор является в определённом смысле продолжателем традиции «мифологической школы» А.Н. Афанасьева, считая его труд («Поэтические воззрения славян на природу») ценным и поныне. Сознвая тот вполне очевидный факт, что мифологическая картина мира древних славян, воссозданная А.Н. Афанасьевым, слишком субъективна, спорна и,

²⁴ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. С. 362.

воссозданная А.Н. Афанасьевым, слишком субъективна, спорна и, действительно, чересчур художественна, требуется найти способы преодоления этих недостатков. С этой целью в данном исследовании автор применяет *структурно-функциональный анализ* в рамках структуралистского подхода, предложенного К. Леви-Стросом в качестве инструмента изучения мифа и адаптированного к славянскому культурному ареалу отечественными семиотиками-структуралистами В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым. Вкупе с *компаративным методом*, широко использовавшимся уже в XIX в., и применяющимся также в данной работе, структуралистский подход позволяет по-новому взглянуть на давно известные науке факты, привнося, вместе с тем, в исследование более строгую логику реконструкции древних мифологических представлений, нежели это было у А.Н. Афанасьева. Труды названных учёных-структуралистов, в особенности отечественных исследователей, во многом послужили фундаментом теоретико-методологической базы представленного исследования.

Существенными для данной работы являются и такие принципы исследования, как системность и историзм, ставшие универсальными для современных гуманитарных наук.

Научная новизна исследования определяется следующими характеристиками:

- произведён анализ восточнославянского язычества как религиозно-мифологической системы, из неё выделена собственно мифологическая составляющая;

- впервые к изучению славянской мифологии применена концепция «архаической мифологии» И.М. Дьяконова;

- изучена история становления и закрепления в научном сообществе гипотезы о солярной природе древнерусского бога Хорса, осуществлён критический анализ данной гипотезы, что позволило отнести её к разряду «историографических мифов»;

- произведена новая реконструкция мифологических представлений о солярных божествах в Древней Руси, опирающаяся не только на данные исторической науки, но и на достижения современного религиоведения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Такие культурно-общественные феномены как религия и мифология очень тесно связаны между собой, что крайне затрудняет их понятийное разграничение. Но в целях более детального их изучения можно выделить своего рода «идеальные типы», под которыми следует понимать предельно обобщённые теоретические модели этих явлений. При таком подходе мифология предстаёт первичной формой интеллектуального постижения мира. Человек ещё не достиг того уровня интеллектуального развития, чтобы мыслить абстрактно. Окружающую действительность он постигает путём её вербального описания с помощью тропов (преимущественно метафоры и метонимии). Здесь нет места культу и религиозной вере, ибо нет ещё представлений о сверхъестественном, а вера не отделена от знания. Укоренённость мифологии в архаическом обществе можно, предположительно, связывать с первичными в филогенетическом отношении правополушарными стратегиями обработки и репрезентации поступающей в мозг информации.

2. В целях успешного изучения такого феномена как мифология существует потребность и возможность выделить в нём как минимум два слоя – «первичные» и «вторичные» мифы. Если первичные (наиболее архаичные) мифы рождались спонтанно, естественным образом, то вторичные мифы есть результат позднейшей (специально организованной) творческой интеллектуально-рациональной или эмоционально-художественной обработки человеком первичных мифов. Реконструкция не дошедших до нас мифов возможна, но только мифов наиболее простых – первичных, а не вторичных. Эта идея может быть особенно плодотворной при исследовании славянской мифологии, которая нам сейчас почти не известна.

3. В огромном массиве литературы, посвящённой славянскому язычеству, имеется немало штампов («историографических мифов»), переходящих из одного исследования в другое. Одним из них является признание древнерусского бога Хорса солярным божеством на основании этимологического анализа его имени, которое традиционно возводится к иранским корням, и некоторых косвенных признаков. Данная версия, принятая большинством современных учёных, имеет серьёзные недостатки и в большей степени базируется на устоявшейся научной традиции, нежели на научных фактах. Ни одна из высказывавшихся в разное время версий о происхождении этого теонима не может быть признана убедительно доказанной и потому не может послужить надёжной основой для реконструкции образа этого божества, являясь, в лучшем случае, лишь дополнительным аргументом в ряду прочих построений исследователя.

4. Произведённая реконструкция образа бога Хорса выявила значимые связи между группой различных культов (культы близнецов, коня, солнца, луны, волка, змеи), свадебной и погребальной обрядностью, символикой яйца, мотивом слепоты (хромоты) и некоторыми другими мифологическими представлениями. Полученные результаты позволяют говорить о существовании у восточных славян дохристианских мифологических представлений о божественных близнецах-конниках, связанных с солярным культом (в роли которых автор диссертации видит Хорса и Дажьбога).

5. Термин «солярные божества», применяемый в этой работе к Хорсу и Дажьбогу, имеет довольно условный характер. Неизвестно, как распределялись функции между этими богами. Но есть основания полагать, что эта пара божеств могла соотноситься одновременно с солнцем и месяцем, с днём и ночью. Некоторые данные указывают на то, что Хорс отождествлялся преимущественно с ночным светилом и мог восприниматься как хтоническое божество, что, впрочем, не отвергает его светоносной солярной природы. В этом отношении он может быть сопоставлен с Волосом (Велесом), который может быть осмыслен в качестве альтернативного имени

Хорса, или, что более вероятно, как его ипостась, в которой максимально проявились свойственные солярному культу хтонические черты.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении таких понятий как «мифология», «восточнославянское язычество», разработке вопросов, связанных с возможностью изучения религиозной идентичности древнерусских язычников и реконструкции восточнославянской языческой картины (модели) мира.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты представленного исследования могут послужить основой для дальнейших научных изысканий в области реконструкции древней восточнославянской мифологии. Кроме того, полученные в ходе работы результаты могут быть использованы в качестве материала при разработке учебных курсов по религиоведению, истории и философии религии, сравнительной мифологии, культурологии.

Апробация результатов исследования была проведена на ряде региональных, всероссийских и международных научных конференций: «Современная гуманитарная мысль и научно-технический прогресс. Материалы XLII международной студенческой конференции» (Новосибирск, 2004), «Славянский мир: русская идея как социокультурный феномен. VIII международная научная конференция» (Пермь, 2004), «Российская система ценностей. XIV Рождественские православно-философские чтения» (Нижний Новгород, 2005), «Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского» (Нижний Новгород, 2005), «Глобальное пространство культуры. Международный научный форум» (Санкт-Петербург, 2005), «Война как событие и со-бытие: Региональная конференция, посвященная 60-летию Великой Победы» (Нижний Новгород, 2005), «Русское православие как основа сохранения национальной идентичности: XVI Рождественские православно-философские чтения» (Нижний Новгород, 2007). Основные результаты исследования нашли своё

отражение в 10 публикациях, в том числе в рецензируемом научном журнале «Вестник чувашского университета», включённом в перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Структура исследования. Текст диссертации состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии (189 наименований).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект, предмет, цель, основные задачи и принципы исследования; обосновывается актуальность темы, её научная новизна; рассматривается степень изученности темы; раскрываются теоретико-методологические основы исследования.

В **Главе I «Теоретико-методологические основы религиоведческого изучения восточнославянского язычества»** анализируется сам термин «восточнославянское язычество», намечаются пути религиоведческого изучения этого явления. **Первый параграф «Анализ понятий "религия" и "мифология"»** посвящен рассмотрению специфики употребления этих терминов в современной (преимущественно отечественной) науке, теоретическому разграничению этих понятий. Предпринят критический разбор наиболее распространённых в отечественной науке определений религии и мифологии, отмечены их достоинства и недостатки. Вполне понимая тот факт, что в рамках одного параграфа невозможно детально рассмотреть все имеющиеся на этот счёт точки зрения, и что абсолютно нереально вывести полностью универсальные (устраивающие всех) определения религии и мифологии, автор исследования в ходе проведённого анализа всё же счёл возможным конкретизировать эти понятия. Относительно религии автору импонирует формулировка польского историка Г. Ловмянского: «религия берёт начало из веры человека в

существование сверхъестественного мира, а также из его убеждённости в возможности поддержания с ним контактов, полезных для людей, и состоит в организации этих контактов и использовании их для человеческих целей»²⁵. Что же касается мифологии, то после изучения большого количества различных, нередко противоречащих друг другу мнений на этот счёт, в качестве базовой была принята концепция известного отечественного историка И.М. Дьяконова. На её основе в настоящем исследовании было сформулировано следующее определение мифологии. **Мифология есть единственно возможное первобытное (архаическое) мировоззрение, отражающее непосредственно данную человеку реальность путём её словесного описания через тропы и не разграничивающее естественное и сверхъестественное, веру и знание.** Следует подчеркнуть, что подобная трактовка мифологии и мифов относится лишь к самому архаичному этапу их бытования. Наиболее ранние мифы можно назвать *простыми, первичными* или *архаическими*. С течением времени, как правило, старые мифы переосмысляются, дополняются новыми элементами и деталями, и в итоге доходят до нас в качестве достаточно развёрнутых рассказов, которые обычно и называются мифами. Подобные мифы в этой работе называются *сложными, вторичными* или *новейшими*. Отчасти из-за неразличения простых и сложных мифов проистекает то множество противоречивых мнений насчёт сущности и происхождения мифов, которое имеет место в науке. Если взглянуть на проблему возникновения мифологии и религии с филогенетической точки зрения, то, видимо, следует связывать их генезис и периодизацию с особенностями когнитивной эволюции человечества. Особенности так называемого «архаичного» мышления древности некоторые учёные склонны видеть в преобладающей роли правого полушария мозга²⁶.

²⁵ Г. Ловмянский. Религия славян и её упадок. – СПб., 2003. С. 11.

²⁶ См., например: Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция и творчество. – М., 1995. С. 76 – 100; Меркулов И.П. Логика науки и индивидуальное творчество // Когнитивная эволюция и творчество. С. 112; Он же. Когнитивная эволюция. – М., 1999. С. 63; Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). – М., 2003.

Во втором параграфе «Восточнославянское язычество как объект религиоведческого анализа» выявляется специфика восточнославянского язычества, позволяющая взглянуть на него как на религиозно-мифологический комплекс. Здесь следует определить, как изучать этот комплекс религиозно-мифологических представлений и практик. При популярном ныне стремлении к системности, необходимо изучать его во всей полноте, рисуя не плоские схемы иерархии богов, но наполняя наши реконструкции объёмом, создавая рельефную панораму пресловутой «картины мира». При таком подходе (в идеале) необходимо прочувствовать изучаемое явление, примерить его на себя, попытаться взглянуть на мир глазами древнего язычника (вспомним здесь «метод погружения» М. Элиаде). Для этого необходимо реконструировать для восточнославянского язычества то, что в современной науке принято называть «религиозной идентичностью».

Исследование проблемы идентичности восточнославянского язычества несомненно имело бы интерес со стороны философии, психологии, истории, этнологии и ряда других дисциплин. Но насколько правомочна постановка такой проблематики исследования? Что касается индивидуальной идентичности, то этот вопрос решается сразу же и полностью однозначно – обладая тем материалом, который находится в распоряжении современной науки исследовать данную проблематику невозможно. Для того чтобы это можно было сделать, должен был быть жив хотя бы один язычник (либо до нас должны были дойти солидные по объёму и степени достоверности письменные материалы, касающиеся религиозных чувств и представлений такого человека). Ничего этого в нашем распоряжении нет и появиться не может.

Изучение идентичности восточнославянского язычества в его коллективном аспекте имеет больше права на жизнь. Очевидно, что при реконструкции данного феномена мы могли бы исходить из большего круга источников (весьма разнородных по характеру) и, кроме того, эта

реконструкция имела бы более общий характер. Но необходимо признать: в нашем распоряжении нет таких полных, содержательных и аутентичных источников, на основании которых мы могли бы строить столь глобальные обобщения. Причём отсутствием необходимых исторических источников проблема не исчерпывается. Очевидно, что религиозная идентичность тесно связана с идентичностью этнической или культурно-языковой. Но при изучении последней также возникают серьёзные затруднения, связанные с противоборством в современной российской этнологии двух влиятельных направлений – примордиализма и конструктивизма. Если раньше мысль о том, что нация формирует свою государственность (примордиализм) представлялась совершенно очевидной, и не требующей доказательств, то теперь, зачастую, всё видится с точностью до наоборот – то есть нации, а значит и национальные (этнические) идентичности конструируются государствами (эта позиция получила название конструктивизм)²⁷. Не имея возможности здесь более подробно остановиться на аргументации сторон, скажем лишь, что нам более близка позиция конструктивистов. Но если этнические образования, и саму этническую идентичность творит государство, позволительно ли рассуждать о существовании такой идентичности у славян в ту пору, когда государства ещё не было? Естественным, что о какой-либо единой этнической идентичности для множества различных славянских племён, подпадающих под собирательное понятие «восточные славяне» говорить совершенно не возможно.

Из вышесказанного вытекает вывод о том, что религиозная идентичность восточных славян времён бытования в их среде язычества – проблема, которая на сегодняшний день не может быть заявлена в качестве тематики серьёзного полномасштабного научного исследования. Значит, изучение

²⁷ Хорошее представление о современном состоянии проблемы и об острой полемике представителей этих противоборствующих направлений дают книга В.А. Тишкова (Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 2003) и монография М.Н. Губогло (Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 2003), являющиеся плодами работы видных представителей конструктивизма и примордиализма соответственно.

религии древних славян как духовного (ментального) феномена во всей его полноте не возможно. Следовательно, изучение восточнославянского язычества возможно только в каких-то иных, частных аспектах: пантеон и пандемониум, религиозно-мифологическая символика, погребальные, свадебные и прочие ритуалы, устройство и география святилищ, функции института жрецов и т.д. Большая часть этих вопросов была рассмотрена ещё в XIX – XX веках, и сейчас науке к этому прибавить практически нечего. Задачей современного религиоведения, помимо обобщения и систематизации того обширного материала, который был накоплен в этой области другими науками, может стать изучение не столько религии восточных славян, сколько именно восточнославянских мифов. Постановка подобной задачи может вызвать недоумение – о каких мифах идёт речь, если до наших дней не дошло практически ни одного внятного источника, из которого можно было бы почерпнуть необходимые нам сведения? Да, это так, и, тем не менее, некоторые учёные пытаются реконструировать (хотя бы в самом общем приближении) некоторые славянские мифы. Так, например, широкую известность обрёл т. н. «основной миф» славянской мифологии, реконструированный В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым²⁸. Оставляя в стороне вопросы убедительности этой реконструкции, а также правомерность данного ей названия («основной миф»), отметим, что возможность гипотетической реконструкции древних мифов (или, лучше сказать, их элементов – мифологем) методами современной науки всё же существует. Это положение обосновывается в **третьем параграфе «Методологические аспекты изучения восточнославянской мифологии»**, где анализируются те методологические основания, на базе которых исследователи строят свои концепции восточнославянской мифологии. На основе анализа обширного массива научной литературы, посвященной изучению восточнославянского (или древнерусского) язычества, который накопился за многие десятилетия и

²⁸ Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. - М., 1974. (Ч. 1 «Реконструкция фрагментов мифа о божестве грома и его противнике». С. 4 – 179).

даже века, складывается однозначный вывод – большинство авторов, исследующих данную проблематику, либо вовсе не уделяют внимания вопросам методологии, либо касаются их бегло и поверхностно. Это повышает актуальность рассмотрения подобных вопросов.

В отношении возможности реконструкции славянской мифологии (понимаемой здесь как совокупности мифов) для нас принципиальным является размежевание *первичных* и *вторичных* мифов. Изучать вторичные мифы применительно к славянской почве невозможно в силу того, что отсутствует требуемый материал. Следовательно, на долю религиоведа, интересующегося изучением восточнославянской мифологии, остаются лишь первичные мифы, и то лишь в том случае, если их возможно выявить. И здесь очень большой вес приобретают разработки мифологов-структуралистов (К. Леви-Строс, В.В. Иванов и В.Н. Топоров). Их методы нередко подвергались достаточно резкой критике²⁹, во многом она была справедлива, но она не может свести на нет все плоды их работы. Их заслуга в том, что они выработали методику вычленения из того гигантского массива данных, которым располагает современная наука, основных структурных единиц мифа. Из них, как из своеобразных кирпичиков, можно попытаться сложить те или иные восточнославянские мифы. Мы не склонны проявлять чрезмерный оптимизм, считая, что нам удастся восстановить древнейшие, первичные мифы в их первоначальном облике³⁰, но вполне возможно, что удастся выявить определённые узловые точки, в чьих рамках эти мифы существовали, тем самым определив некий культурный континуум, рефлексируя по поводу которого можно будет очертить контуры пресловутой

²⁹ См., например: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М., 2002. С. 405; Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб., 2004. С. 61 и далее.

³⁰ Вообще, это обличье может быть сформировано лишь письменной фиксацией в рамках породившей их традиции, догматизацией мифов в той или иной степени. Ситуация здесь сходна с этапом кодификации обычного права, которое сначала длительное время живёт в устной форме, будучи сильно подвержено на этой стадии различным изменениям, а затем фиксируется письменно, и на этой стадии застывает на более или менее длительный срок, до того времени, пока не будет подвергнуто новой редакции. В силу абстрактности этого «первоначального обличья» интересны даже не сами мифы, а та система координат, которую они задают для ориентации человека в мире.

«картины мира» древних славян, уже ставшей притчей во языцех в трудах отечественных семиотиков-структуралистов.

Глава II «Специфика солярных божеств в древнерусском языческом пантеоне» посвящена выявлению некоторых элементов первичной мифологии славян, на которые до сих пор в науке обращалось недостаточно внимания. Рассматривается круг вопросов, связанных со спецификой древнерусских солярных божеств (в частности, бога Хорса), уточнена историография этой проблемы, предпринята новая попытка реконструкции комплекса мифологических солярных представлений восточных славян.

В первом параграфе **«Образ древнерусского бога Хорса в современной историографии»** рассматриваются: 1) источники, из которых можно почерпнуть сведения об этом божестве, 2) наиболее значимые гипотезы о его природе и функциях, накопившиеся за последние два столетия, и сохранившие свою научную ценность до настоящего момента.

Во втором параграфе **«Новый опыт реконструкции сущности образа бога Хорса»** критически переосмыслены данные исторических источников и гипотезы относительно природы Хорса, укоренившиеся в научном мире. Изучена история становления и закрепления в отечественной (как, впрочем, и мировой) научной традиции версии об иранском происхождении образа и имени этого божества. Показано, что гипотеза о солярной природе последнего практически полностью основана на данной этимологии. Показано, что сама эта этимология не лишена многочисленных подводных камней, что не позволяет отнести к ней с полным доверием, а значит, оставляет по-прежнему открытым вопрос о природе и функциях бога Хорса. Выявлены определённые точки соприкосновения между целой группой различных культов и мифологических представлений, таких как культ близнецов, коня, солнца, месяца, волка, змеи, свадебной и погребальной обрядности, символики яйца, мотива слепоты и хромоты и т. д. На основании полученных данных реконструируется древнерусский близнецный солярный культ. Хорс сопоставляется с Дажьбогом и эта пара божеств сравнивается с

древнеиндийскими Ашвинами, представляющими собой наиболее яркий образец индоевропейских мифологических близнецов, связанных с солярным культом. Термин «солярные божества» применительно к Хорсу и Дажьбогу (в особенности к Хорсу) достаточно условен. Исторические источники не дают достаточного материала для того, что ответить на вопрос, как распределялись функции между этими божествами. Но есть основания предполагать, что они могли соотноситься одновременно и с солнцем, и с месяцем, с дневным и с ночным временем суток. Хорс мог отождествляться преимущественно с ночным светилом, воспринимаясь как хтоническое божество, что, впрочем, не отвергает его светоносной солярной природы. В этом отношении он может быть сопоставлен с Волосом (Велесом). Последний, в этом случае, должен пониматься либо в качестве синонима Хорса, либо как его ипостась, в которой максимально проявились свойственные солярному культу хтонические черты. Предложенная гипотеза позволяет по-новому взглянуть на всю систему древнерусского (и восточнославянского) язычества. Нет нужды придумывать различные изощрённые причины для введения в пантеон князя Владимира двух солярных божеств, в том числе и объяснять этот факт влияниями других этнических групп, постулируя при этом сложные этнические и социальные процессы в древнерусском обществе. Возможное генетическое родство Хорса и Волоса может объяснить факт отсутствия последнего в пантеоне князя Владимира, вызывающее недоумение у многих поколений учёных.

Третий параграф «Реминисценции представлений о солярных божествах в низших уровнях славянской мифологии» развивает идеи, высказанные в предыдущем параграфе на примере анализа персонажей восточнославянской «низшей мифологии» (Ярило, св. Юрий, Авсень). Рассмотренные персонажи имеют свою специфику, и, несмотря на возможную общность их происхождения, не могут быть механически объединены в один общий класс мифологических существ. Разница между таким существом как Ярило (предположительно – языческое божество),

Юрием (Георгием) – христианским святым и Авсеном – существом, природа которого до конца не ясна, вполне очевидна. Но в отношении каждого из них явственно прослеживаются мотивы, роднящие их с реконструированным комплексом мифологических представлений. Здесь же рассматриваются некоторые аспекты мифологической календарной символики, имеющие отношение к солярному культу у восточных славян, в частности, такие символы как *печь* и *яйцо*.

В **Заключении** подводятся итоги работы, формулируются основные положения и выводы диссертационного исследования.

Завершает диссертацию **библиографический список**, включающий в себя перечень исторических источников и научной литературы.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, выпускаемых в РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени кандидата наук:

1. Бесков, А.А. О возможности научной реконструкции восточнославянской языческой модели мира / А.А. Бесков // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2007. – № 4. – С. 72 – 80. (0,6 п. л.)

По теме диссертационного исследования имеются следующие публикации:

2. Бесков, А.А. Специфика изучения русо-славянского язычества на современном этапе / А.А. Бесков // Современная гуманитарная мысль и научно-технический прогресс. Материалы XLII международной студенческой конференции. – Новосибирск: Ромод, 2004. – С. 183–185. (0,2 п. л.)

3. Бесков А.А. Проблема изучения русо-славянского язычества на современном этапе / А.А. Бесков // Материалы научно-практической конференции. Нижний Новгород: НКИ, 2004. С. 104 – 106. (0,2 п. л.)

4. Бесков А.А. Феномен неоязычества в контексте русской идеи / А.А. Бесков // Славянский мир: русская идея как социокультурный феномен. Материалы VIII международной научной конференции 7 – 8 октября 2004 г. – Пермь, 2004. – С. 85 – 86. (0,1 п. л.)
5. Бесков А.А. К вопросу о древнерусских нравственных ценностях / А.А. Бесков // Российская система ценностей: XIV Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2005. – С. 516 – 522. (0,4 п. л.)
6. Бесков А.А. Загадка древнерусского бога Хорса: к истории вопроса / А.А. Бесков // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского 25-26 февраля 2005 г. – Н. Новгород, 2005. – С. 5 – 8. (0,3 п. л.)
7. Бесков А.А. Парадоксы глобализации и «русская идея» / А.А. Бесков // Глобальное пространство культуры. Материалы международного научного форума 12-16 апреля 2005 г. – СПб.: ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ, 2005. – С. 410 – 413. (0,3 п. л.)
8. Бесков А.А. Тысячелетняя война: православие против восточнославянского язычества / А.А. Бесков // Война как событие и событие: Сборник статей и докладов региональной конференции, посвященной 60-летию Великой Победы. – Н. Новгород: ГХИ, 2005. – С. 132 – 135. (0,3 п. л.)
9. Бесков А.А. Древнерусские божества Хорс и Дажьбог: новая постановка вопроса / А.А. Бесков // История христианского мировоззрения в Европе: источники и концепции. – СПб.: Издательство РХГИ, 2005. – С. 97 – 101. (0,3 п. л.)
10. Бесков А.А. Национальная идентичность и православие / А.А. Бесков // Русское православие как основа сохранения национальной идентичности: XVI Рождественские православно-философские чтения. – Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2007. – С. 360 – 364. (0,3 п. л.)

Подписано в печать 23.09.08. Печать оперативная.
Объем 1,6 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 110

Нижегородский государственный педагогический университет
Полиграфический участок АНО «МУК НГПУ»
603950, Нижний Новгород, Ульянова, 1